

МАРФА Федоровна приняла нас так радушно, что сразу стало ясно: в ее доме тем, кто интересуется жизнью Шалаяпина, всегда рады. Вглядываясь в лицо этой женщины, я старался уловить знакомые по портретам и литературе черты сходства с Федором Ивановичем. Что ж, напрягать воображение не нужно было. Хозяйка унаследовала от отца гордую осанку, статью. Да и характер, как мне показалось, у нее тоже отцовский — прямой, решительный.

Совсем незадолго до нашего разговора в дом (не в первый уже раз!) проникли грабители.

таем, что время для публикации этих писем еще не наступило.

— О Шалаяпине много написано, но ходит и много легенд, — продолжает Марфа Федоровна. — Я не критик, поэтому, если скажу, что его любимый композитор — Мусоргский, а самая симпатичная ему роль — Борис Годунов, то, наверное, не открою никакой тайны. Но, зная отца столько лет, я пришла к выводу: главная черта его характера и как артиста, и как человека — это стремление к совершенству. Что бы ни делал — все должно было быть первого класса. До сих

рит Марфа Федоровна. — Мы действительно привыкли жить широко. Но в деньгах отец ничего не понимал, и этим пользовались окружающие его дельцы от искусства. В 1929 году, после финансового краха на денежном рынке Нью-Йорка, он потерял почти все сбережения. Снова пришлось колесить по свету ради гонораров. Федор Иванович считал это недостойным артиста, но вынужден был соглашаться на это ради семьи.

...Умер отец от лейкемии. В последние дни понял, что конец близок, но был спокоен, шутил, старался не обременять родных, даже не хотел, чтобы ему помогли выпить лекарство. Перед самой смертью, вспоминает наша собеседница, сказал маме: «Тяжко мне... Где я? В русском театре?» С этими словами он умер...

Марфа Федоровна, выйдя замуж, поселилась в Англии, но на родину приезжала не раз. Ведет переписку с нашими музеями, участвует в деятельности Общества англо-советской дружбы.

— В общество вступила потому, — говорит она, — что там работают такие бескорыстные люди и энтузиасты, как Джон Гибсон (о нем шла речь в начале нашего очерка — В. С.). Но главное, конечно, не в этом. Я русская, и не могу оставаться равнодушной, когда о русских пишут небывлицы. Например, один литератор заявил: «Москва хочет ввести свои танки на лондонскую Риджент-стрит». Я говорю своим знакомым: «Не верьте, разве русские когда-нибудь вторгались в Англию? Наоборот, России приходилось отражать нашествия с Запада, вспомните хотя бы о Наполеоне и Гитлере»...

Хозяйка дома показывает фотографии двух своих дочерей. Младшая, Кэти Гарднер, тоже живет в Ливерпуле, но мне удалось поговорить с ней только по телефону. Кэти в эти дни была очень занята, ведь она врач-терапевт в восьмом районе. А что он собой представляет, ливерпульцы хорошо знают: это самый небогатый район старого промышленного города, пораженного экономической депрессией. Безработные, потомки иммигрантов, потерявшие веру в завтрашний день, — вот едва ли не самый главный «контингент» здешней амбулатории. Те, кто становится на ноги, спешат перебраться за город, подальше от нищеты. Молодые врачи тоже сюда не хотят идти работать. Но именно этот трудный округ избрала себе доктор Кэти Гарднер. Здесь она нужна людям, здесь можно делом помочь своей партии — Коммунистической партии Великобритании, в которую вступила шесть лет назад.

...В книге Ф. И. Шалаяпина «Маска и душа», изданной в Париже, есть такие пронизанные щемящей грустью строки: «Родина моя! Я в разрыве с нею, я оставил ее для чужих краев. На чужбине, оторванные от России, живут и мои дети. Я увез их с собою в раннем возрасте, когда для них выбор был еще невозможен. Почему я так поступил?»

Обстоятельства, толкнувшие артиста на роковой шаг, сегодня хорошо известны, и я не стал спрашивать о них. Речь зашла о другом. Марфа Федоровна убеждена, что Шалаяпин принадлежал и принадлежит России.

В. СКОСЫРЕВ,
соб. корр. «Известий».

ЛОНДОН.

У ДОЧЕРИ ШАЛАЯПИНА

Во время недавней поездки в Ливерпуль мой местный знакомый Джон Гибсон, которого по праву можно назвать душой местного отделения Общества англо-советской дружбы, упомянул в разговоре, что у них в городе живет Марфа Хадсон-Дэвис, дочь Ф. И. Шалаяпина.

Ф. И. Шалаяпин... «Такие люди, каков он, — писал А. М. Горький, — являются для того, чтобы напомнить всем нам: вот как силен, красив, талантлив русский народ!» Чем дальше в прошлое уходит от нас шалаяпинская эпоха нашей сцены, тем большую ценность представляют рассказы людей, близко его знавших. Разве можно упустить такое интервью? Но вот беда: согласованное с Форин оффис время пребывания в Ливерпуле кончается. Значит, нужно просить о встрече немедленно.

Глава шайки, видно, остался на улице у окна, а вор помоложе потребовал: «Деньги и драгоценности, не то плохо будет»

— Я ответила, что в доме ничего не держу, все в банке, — рассказывала Марфа Федоровна. — Парень не знал, что со мной делать, побегал советовать к старшему, а мне пригрозил: «Сиди тихо!» Не знали они, с кем связались. Я вскочила, распахнула парадную дверь и стала кричать во все горло. Их и след простыл...

Излагая с улыбкой эту историю, наша собеседница упоминула, что у нее есть вещи, которые имеют историческую и художественную ценность. Здесь следует сказать, что дети Шалаяпина уже передали в музей Советского Союза немало документов и произведений изобразительного искусства. Среди них — великолепный портрет артиста в шубе на фоне русской ярмарки работы Б. Кустодиева. Это дар Ленинграду от дочерей Марфы. Марины и Даси.

— Когда художник писал этот портрет, я была ребенком. И все же одна деталь врезалась в память: в Петрограде было трудно с красками, и их разводили. Потом картину пришлось реставрировать, — говорит хозяйка. — А вот недавний подарок: в Москву для музея Ф. И. Шалаяпина, который сейчас создается, из Ливерпуля было отправлено письмо И. Е. Репина Шалаяпину. В нем Илья Ефимович высоко оценил талант художника Бориса Шалаяпина — сына певца.

— Отец был, как магнит, к нему тянулись, с ним дружили великие деятели искусства. А он больше всех любил Горького. Когда их дружба оборвалась, это стало для папы началом конца. Это была великая трагедия его жизни. У меня есть письма Горького, написанные в Италии, — продолжает она.

— О чем они?

— В основном касаются финансовых дел. Мы с братом Федей (он живет в Риме) счи-

пор я ненавижу ходить на концерты. Отца приходилось на них просто тащить — он всегда нервничал: концерты не давали возможности раскрыться его таланту так же полно, как оперные партии. А если кто-нибудь мешал достичь вершин, он становился нетерпим, не пачдал ни начальство, ни импрессарио. Кстати, из импрессарио, помню, любил одного Церетели. С другими часто конфликтовал...

— ...К концу жизни он стал человеком грустным, то и дело раздражался. Столько видел на своем веку старых артистов, терявших класс, а сам же хотел им уподобляться, хотя и понимал, что голос у него не тот, что в молодости. Когда сердился, лицо становилось прямо-таки страшным. Мама так его изучила, что, входя в комнату, по затылку могла определить, в каком сейчас настроении.

И еще одну сторону характера артиста раскрыла дочь: трогательное, заботливое отношение к семье. Шалаяпин любил, когда вокруг были дети, часто напевал им незатейливые опереточные мелодии, знакомые со времен странствий по России с небольшими труппами. Маленькую Марфу часто сажал на плечи и носил по квартире. В доме был альков с довольно низким потолком, и девочка боялась удариться о него, но стеснялась предупредить отца. Однажды все-таки решилась и сказала: «Осторожно. Голову треснешь — чем петь будешь?»

Этот забавный эпизод случился задолго до эмиграции, но и тогда, в пору расцвета дарования певца, даже маленькие в семье переживали за него, беспокоились о состоянии его голоса. Когда Шалаяпин поселился за границей, материальное благополучие многочисленной семьи целиком зависело от его заработков. Обычно за завтраком в Париже за столом сидели человек 20—25.

— В книгах порой пишут о любви отца к деньгам, — гово-